

Марина
СЕРОВА

Линия мести

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Линия мести

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Линия мести / М. С. Серова — «Эксмо»,
2019 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-103282-1

Телохранитель Женя Охотникова приходит в себя в больнице. Она тяжело ранена в плечо, но сотрясение мозга не позволяет ей вспомнить, что случилось. Она чувствует себя потерянной, вокруг нее начинают пропадать и умирать люди. Женя обязана разобраться, кто за всем этим стоит, пока неведомый злой гений сам не предпринял роковой шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103282-1

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Линия мести

Пролог

Дождь упрямо и методично барабанил по крышам домов, заливая дороги обширными лужами, перемешивая землю в липкую грязь. Тусклые фонари уныло освещали серые одинокие улицы, в домах грязно-желтым горели окна, их свет незначительно дополнял свет фонарей. Прохожих не было – и это ужасало ее. Сейчас она бы отдала все на свете, лишь бы в проулке показался хоть один человек, не важно кто – женщина, мужчина, ребенок... Она давно потеряла счет времени и понятия не имела, куда бежит. В голове звучала только одна-единственная мысль: ей не оторваться от погони. Он преследует ее и каким-то неведомым образом предугадывает каждое ее движение. Она петляла, словно лисица, за которой гналась свора охотничьих собак, пыталась спасти свою жизнь, одновременно понимая: у нее практически нет шансов. Она обречена.

Ноги увязали в грязи, она неловко спотыкалась, падала, но вставала и продолжала свой безумный бег. Ее волнистые густые волосы, еще утром уложенные в элегантную прическу, сейчас растрепались и мокрыми прядями падали на лоб и глаза, одежда местами порвалась, на сапоги налипла грязь и опавшая осенняя листва. Сейчас сложно было узнать в ней недавнюю эффектную молодую женщину с идеальным макияжем и в стильной, грамотно и с любовью подобранной одежде. Сейчас она больше всего напоминала загнанную в угол жертву, воплощение ужаса и отчаяния. Временами она вскрикивала, звала на помощь, но крики срывались на судорожные рыдания, а в ушах звенел размеренный гул его шагов. Шагов, предвещавших смерть...

Улица резко завернула и как-то неожиданно сузилась. Никаких ответвлений и развилок она не увидела, поэтому побежала вперед, все еще лелея слабую надежду оторваться от преследователя. Она цеплялась за эту надежду, как утопающий за соломинку. Увы, соломинка оказалась слишком тонкой, слишком хрупкой, слишком непрочной...

Вдруг улица резко оборвалась, перед ней откуда ни возьмись выросла стена. Она судорожно озиралась по сторонам, пытаясь найти хоть какую-нибудь лазейку, выход... Но выхода не было. Только стена, о которую разбивались вдребезги все ее попытки спастись.

Она обернулась – медленно, как будто ее тело само, без ее приказа совершило это движение. Она слышала свое дыхание будто со стороны. Может, это – свист ветра? Шорох листвы того деревца, на которой срывает свою злобу отчаянный октябрьский дождь? Да-да, это, должно быть, листья, те, которые еще остались, не облетели – наверно, это их звук, такой громкий и резкий... Нет, не может быть это ее дыханием – она вообще не дышит, ее сердце замерло и не бьется, и дышать она не может. Но... тут ведь стена, никакого дерева быть не должно... Свист. Угрожающий и зловещий, словно шипение ядовитой змеи, которая готовится к броску. В детстве она как-то смотрела передачу про змей – какой-то ученый рассказывал про повадки этих пресмыкающихся и показывал самых ядовитых и опасных гадов крупным планом. Змеи внушали сложные чувства: одновременно отвращение, страх, и в то же время они как-то завораживали своими движениями, в каждом из которых сквозила смерть. Та передача, которую она смотрела в детстве, давно забылась, однако сейчас в памяти всплывали кадры, на которых плавно перетекали гибкие змеиные тела – вот они двигаются мягко и грациозно, на экране мелькают цветные причудливые узоры чешуи, и вдруг – напряжение мощной мускулатуры, змеиная голова оборачивается в сторону жертвы, и... мощный бросок. Острые зубы жала впиваются в добычу, впрыскивая смертельную дозу яда. Жертва парализована, а тихий

убийца обвивает ее своими кольцами, стискивает до хруста костей и хрящей, разевает страшную пасть и начинает заглатывать свою трапезу целиком, натягиваясь на нее, точно чулок.

А свист приближался. Она не видела фигуру человека, который шел словно бы мимо, как будто спешил по своим делам и внезапно решил свернуть в тупик, увидев ее. Поговорить с ней. Потолковать по душам. Побеседовать о погоде. *Поговорить.*

Он не бежал, как раньше. Куда бежать? Зачем? И так все очевидно. Жертва в тупике. В ловушке, из которой нет выхода. Как все банально и скучно, как все предсказуемо! Он порядком устал от этой обыденности. Он ведь надеялся, что сейчас все будет по-другому. Он хорошо изучил ее и думал, что она окажется не такой, как другие, до нее. Женщины... Каждая считает себя особенной, каждая думает, что другой такой не сыскать. Но почему его ожидания опять не оправдались? Она же была другой, он верил ей! Он верил, что она не такая, что она изменит его представление, что она будет иной... Он давно предвкушал этот момент, как ребенок с нетерпением ждет новогоднюю ночь, зная, что под елочкой найдет необыкновенный подарок, мечту всей своей жизни. Но быют куранты, взрослые выпивают фужеры шампанского, и ребенок бежит к золотистой коробочке, перевязанной яркой ленточкой. Предвкушение чуда, радости, удивления, волшебства... Разрывает ленточку, не в силах удержать своего нетерпения, разворачивает подарок, и...

Шоколадка. Простая шоколадка, которая всегда преподносится в качестве подарка. Яркая обертка, многообещающая тайна, загадка и такое ничтожное содержание! Разочарование. Обида. Неверие в чудо и волшебство.

Сейчас он чувствовал себя тем самым ребенком. Яркая обертка, которую он так мечтал развернуть, скрывала самое обычное, обыденное наполнение. Она снова разочаровала его. Она оказалась такой, как все. Зачем она обманывала его? Зачем внушала ему ложные надежды? Она ведь заставила его поверить, что на этот раз все будет по-другому! Она должна была стать тем чудом, которого он так ждал, она должна была стать исключением из правил!

Увы. Его снова обманули. Глаза, в которых застыл ужас, напряженная поза, грязная, изодранная одежда. Как все скучно и банально! Она должна поплатиться за свою ложь. Она ответит за свой обман. Она будет страдать так же, как страдает он, потому что она виновата в его разочаровании!

Он устало улыбнулся и достал остро заточенный нож. Лезвие молнией блеснуло в темноте, отразившись в ее глазах. На ее лице застыл ужас, а на его – вымученная ухмылка.

Глава 1

Мягкие теплые волны набегали на берег, слегка поглаживая песок и гальку, и ракушки, передвигая их осторожно, словно опасаясь нарушить гармоничную, идеальную картину. В их мерном рокоте слышались какие-то бормотания, неясные звуки, складывающиеся в гортанную, убаюкивающую песню. Волны приятно щекотали кожу, вычерчивая на ней замысловатые узоры, которые тут же исчезали, стоило воде отхлынуть от берега. Каждый раз новые орнаменты, каждый раз меняющаяся колыбельная: вроде слова одни и те же, но комбинация всегда немного другая, как в калейдоскопе – снова и снова новая картинка. Солнце не палило, а также мягко ласкало тело, точно договорилось с теплыми морскими волнами, что сегодня оно не будет резко обдавать своим жаром, а в унисон с морской водой принесет лишь блаженство и умиротворение. Плавно и медленно текут волны, и точно так же размеренно передвигаются мысли в голове – все размытые, не ясные, не беспокоящие, а какие-то туманные. Вроде как хочется поймать одну из них и разглядеть, о чем она, но это не удастся – неясные образы никак не получается рассмотреть, а сонные слова не различишь в тихом бормотании. Только размытые картинки, все как одна – абстрактные и непонятные, и колыбельная – убаюкивающая, но невнятная.

Эти образы и звуки расслабляют и ненавязчиво предлагают расслабиться и отдаться чувствам и ощущениям. В обычной жизни полно всевозможных раздражающих мыслей, забот или воспоминаний, которые наполняют мозг целиком. Если сосредотачиваться на каждой мысли в отдельности, то можно упустить другие. А что, если эти мысли все убрать? Что тогда останется? Это страшно – если в голове не будет ничего, можно столкнуться с пугающей пустотой. А может, в пустоте – ответы на все вопросы? Может, эта пустота и есть та внутренняя гармония, которая скрыта под налетом дум и переживаний?

А волны и солнце – они помогли спрятать все тревоги и волнения. Они словно убрали все мешающее, все раздражители, которые не так-то просто уничтожить. Если бы знать раньше, как хорошо и спокойно без них, какое это блаженство – ни о чем не думать и только ощущать мягкие теплые прикосновения, ласку приятных волн и мерный рокот бескрайнего моря... Возможно ли это – отпустить весь хаос забот и тревог, отвлечься от них и позволить себе просто быть? Просто существовать, не оценивая происходящее? Меркнут все вопросы, которые доставляют сплошные неудобства и дисгармонию, и вот уже не осознаешь, кто ты, для чего ты, как тебя зовут, чем ты занимаешься и...

– Как тебя зовут?

Волны... Они спрашивают, как меня зовут... Да какое это имеет значение? Не знаю, как меня зовут и кто я... Я – это просто я. Я тут. Я существую. Или не существую? Может, я – это всего лишь одна из тех волн, что набегают на берег? Вот я здесь, а через мгновение меня не будет – я растворюсь среди других волн, сольюсь воедино с морем и стану просто водой. Я – это безграничное море, которое просто существует, оно бескрайнее, безграничное...

– Кто ты?

Кто я... Зачем эти вопросы? Скажите, зачем они? Разве вы не видите, что меня нет? Я – часть моря и неба, которым неподвластно время, которые не чувствуют ни усталости, ни страха, ни боли...

Боль. Почему она есть? Она есть, несмотря на то что меня почти нет. Странно. Так не может быть, это неправильно, нелогично! Разве море или небо чувствуют боль? Нет. Так почему я ее ощущаю? И она становится все сильнее и сильнее, она заставляет меня перестать быть морем и небом... Почему она не отпускает меня? Почему она есть, когда меня нет?...

– Ты помнишь свое имя? Фамилию? Сколько тебе лет? Как называется твой родной город? Говори, я вижу, что ты очнулась! Вспоминай!

Я... я ведь не могу говорить. Или могу? И где море и небо? Почему я не вижу волн и солнца? Почему здесь все так... все так уныло, неестественно, неправдоподобно? Что это – светло-голубое, но не такое живое, как небесная гладь? Оно ненатуральное, фальшивое! Это обман, этого не существует! Верните мне море, небо и...

– Кто ты такая?

Я... я не помню! Или... или...

– Я... Женя. Да, я правильно сказала?...

Сказала я только первую часть фразы – о второй подумала, но произнести ее, похоже, не смогла. Она слишком сложная и длинная, а говорить мне больно. Каждое слово отзывается болью в плече. Ведь это плечо, да? Не нога, не кисть. Плечо... Которое жутко болит, и кажется, что боль расплзается по всему телу. Лучше не говорить и не шевелиться, чтобы не позволять боли рассредоточиваться по мне. Лучше молчать...

– Не молчи. Назови свою фамилию. Знаю, больно, но потерпи. Помнишь что-нибудь?

– Нет... – мне показалось, что я сказала это короткое слово, но боль пульсировала только в левом плече, не растекаясь по руке, шее, голове, животу... Значит, я лишь подумала об этом...

– Вспоминай.

Да кто это такой наглый, что достает меня своими расспросами? Почему я вообще должна на них отвечать? Да верните меня назад, я хочу лежать на морском берегу, смотреть на волны и гальку, хочу наслаждаться солнцем и небом, а не видеть эти мерзкие голубые стены!

Стены. Вот как это называется. Мои глаза уже привыкли к голубому цвету, я даже могу опустить их ниже, чтобы разглядеть это существо, которое притащило меня сюда из того блаженства и неги. Из... рая?... Если море и небо – рай, то наверняка голубые стены – это ад. А я вообще верю в рай и ад? Может, они не существуют? Откуда я вообще это взяла?

– Где ты живешь? Назови город.

Я опустила взгляд и уставилась на лицо, скрытое под светло-голубой маской и таким же голубым колпаком. Я вижу только глаза, темные и в очках. Все остальное скрыто, непонятно, как этот человек выглядит. Но, судя по всему, ничего хорошего от него ждать не приходится, раз он утащил меня с морского побережья и каким-то неведомым образом перенес сюда.

– Кто вы? – кое-как прошепелявила я. Почему-то в мыслях у меня куда лучше получалось говорить и задавать вопросы. Стоило мне попытаться разлепить затекшие губы, как тело вновь ответило жуткой режущей болью. Ее невозможно было терпеть – я в изнеможении закрыла глаза, чтобы не видеть всю эту дурацкую голубую картинку. Однако боль не пропала, а даже усилилась.

– Отлично. – Чудище в очках, маске и колпаке почему-то осталось довольным мною. – Раз задаем вопросы, значит, есть надежда избежать полной амнезии. Для начала скажи все, что ты помнишь о себе.

Я не стала раскрывать глаза, надеясь, что, может быть, судьба сжалятся надо мной и вернет туда, откуда меня так грубо вытащили. Напрасная надежда. Я с трудом разлепила веки – чудище в голубом никуда не исчезло, равно как и голубые стены. Я даже различила несколько других таких же чудовищ в голубом. И куда я попала?...

– Море... – прошептала я и снова закрыла глаза.

– Бредит, – тут же прокомментировало пытавшее меня чудище. Внезапно я поняла: это оно заставляет меня мучиться от боли! Оно во всем виновато, из-за него я страдаю вместо того, чтобы спокойно отдыхать на морском берегу! Да что я ему сделала-то? Почему оно не оставит меня в покое?...

– Итак, тебе говорить трудно, – продолжал вещать этот садюга. – Поэтому расскажу тебе немного о том, что произошло. По мере моего рассказа ты будешь что-то вспоминать, поэтому перебивай меня в любой момент. От того, сколько ты вспомнишь, зависит твое будущее и то,

насколько мы тебе сможем помочь. Итак, ты находишься в больнице. Ты попала сюда с огнестрельным ранением плеча. С одной стороны, тебе повезло, а с другой – не очень. Повезло в том, что пуля не задела кость, так как в этом случае ты могла бы лишиться руки. Не повезло потому, что ранение серьезное, задеты сосуды. Но операцию тебе уже сделали, под общим наркозом. Пулю извлекли. Еще неприятный момент: у тебя сотрясение головного мозга, правда, легкой степени. С этим пока все понятно? Давай, отвечай.

Я попыталась увильнуть от ответа – он же сам сказал, что мне больно говорить, однако врач (чудище оказалось врачом, как я поняла из его речи) оказался настырным.

– Кивать ты не сможешь, точнее, сможешь, но будет очень больно, – заявил он. – Боль ведь бывает разная – с некоторой можно мириться и можно ее терпеть, а вот от некоторой люди и сознание теряют. Когда ты сюда попала, то боли не испытывала – у тебя был шок. Но сейчас тебе будет не слишком легко, однако вытерпеть это можно. Говорить ты можешь, поэтому отвечай.

– Да... – прошелестела я. Врач снова оказался доволен.

– Еще приятная для тебя новость – рукой ты сможешь управлять, жизненно важные функции не нарушены, но нужно время на восстановление. То есть ты сможешь делать все, что делала раньше – ты чем вообще занималась по жизни? Профессию свою помнишь?

Вопрос заставил меня задуматься. В голову упрямо лезли мысли о море, но потихоньку они стирались и становились неясными, точно далекое воспоминание из прошлого. Однако на вопрос врача я ответить не смогла.

– Не помню... – заставила я себя произнести. – Это важно?

– Вообще-то да, – заметил врач. – Ты же не собираешься провести в больнице остаток своей жизни? Тебе придется вернуться к своим занятиям, как только тебя выпишут. Не скоро, конечно, но быстрее, чем можно себе вообразить. Попробуй все-таки вспомнить хоть что-то из своей жизни. Может, ты любишь чем-то заниматься? Учишься, работаешь? У тебя много друзей? Семья есть? Муж, дети?...

Я заставила себя напрячь память, пытаюсь вспомнить хоть что-то из того, о чем говорил врач. Чем я люблю заниматься? Не помню. Есть ли у меня друзья? Тоже не знаю... Семья? На ум ничего не приходит...

– Я не знаю, – снова сказала я. На сей раз врач нахмурился.

– Что ж, спишем это на действие наркоза. Надеюсь, со временем ты все вспомнишь. По крайней мере, должна вспомнить – сотрясение у тебя легкой степени, память ты потерять не должна, твоя амнезия, скорее всего, защитная реакция организма после стресса. Пока ты находишься в реанимации, но думаю, через три-четыре дня тебя переведут в общую палату. Операция прошла успешно, поэтому скоро пойдешь на поправку.

Память вернулась ко мне раньше, чем прогнозировал оперировавший меня доктор. Первое время после операции я находилась в отдельной палате, где постоянно дежурили врачи. Или медсестры – они постоянно менялись. Не могу сказать точно, сколько часов или суток прошло: я не следила за временем, временами я бодрствовала, а временами проваливалась в полусон-полубред. Когда я открывала глаза, то неизменно видела перед собой кого-то в голубой больничной униформе, иногда с маской, а иногда без нее. В основном это были женщины – они переставляли капельницы, подключали какие-то провода к медицинским приборам, приносили лекарства. Стоило мне закрыть глаза (как я думала, ненадолго), происходили какие-то изменения. Очнувшись, я видела перед собой другую женщину, и она тоже что-то делала. Эти «голубые картинки», как прозвала я про себя сценки с медсестрами или врачами, перемежались другими, зачастую непонятными мне.

Моря и неба я больше не видела, о чем порой сожалела. Вместо этого в памяти возникали разные люди: мужчины, женщины, реже – дети. Одно лицо появлялось чаще других. Я полю-

била его рассматривать – оно казалось мне приятным и дружелюбным, в отличие от остальных лиц.

Женщина была гораздо старше меня. Я не могла разглядеть ее черты – у меня оставалось только общее впечатление. Выражение ее лица было заботливым и любящим, точно она хотела помочь мне, точно... любила меня? Может, это моя мама? Наверно, а кто еще кроме мамы может обладать таким лицом? Тогда почему я вижу ее, только когда у меня закрыты глаза? Почему она не приходит ко мне, не навещает меня? Почему вокруг только незнакомые женщины в голубой униформе? Я не хочу их видеть, я хочу, чтобы со мной была именно та добрая женщина, моя мама!

Но она не приходила ко мне. Я видела ее только во сне-бреду – точно не могу сказать, что это такое было. Какое-то беспмятство, в которое я внезапно проваливалась, словно в зыбкую трясину. Оно накрывало меня, будто цунами, и я не могла противостоять ему. Я не хотела погружаться в него, потому что боялась. Вдруг я увижу кого-то страшного? Вдруг эти незнакомые люди причинят мне боль, вдруг они станут требовать от меня что-то? Пусть лучше перед моим мысленным взором будет моя мама – видения с ней я любила, а вот все эти странные мужчины и женщины вызывали у меня только негодование. Но я не могла от них отвязаться – они то и дело приходили ко мне, что-то говорили, но я не могла понять их бессвязную, неразборчивую речь...

Это случилось утром. Я точно помню, что было утро – в окно палаты светило солнце, впервые за долгое время, и сначала я не могла разглядеть никакие предметы в комнате. Солнечные зайчики прыгали, как живые, и, несмотря на боль в плече, которая не отпускала меня, несмотря на все обезболивающие препараты, я испытала некое подобие радости. Какое-то время я молча наблюдала за подвижными яркими лучиками, и чем-то они напоминали мне почти забытые мною морские волны, из которых меня так резко вырвали и поместили в эту палату. Солнечные зайчики точно играли со мной, предлагая и мне включиться в их прятки-догонялки. Они появлялись то на стене, то на белом покрывале моей кровати, то на столе... Мне казалось, что они даже разговаривают со мной, рассказывают, как сегодня хорошо и тепло на улице, как чудесно в солнечном небе, как красиво стелется травка по земле, как трепещут на теплом ветерке ярко-зеленые листья... «Идем с нами, ты тоже будешь играть, бегать и прыгать!» – уговаривали они меня. «Но я не могу, у меня болит плечо!» – протестовала я. Хотя в глубине души мне так хотелось поддаться на их уговоры и тоже почувствовать себя солнечным лучиком, который так быстро прыгает, который не испытывает ни боли, ни страданий. «Да нет же, у тебя ничего не болит!» – возражали мне солнечные зайчики. – Это тебе только кажется, что болит плечо, а на самом деле боли нет!»

Они не понимают, с ужасом и отчаянием думала я. Они не понимают, они обидятся на меня, но у меня ведь болит плечо, и я толком ничего не помню... А может, мне и не нужна память? Ведь лучше обойтись без нее – тогда, может, не будет этих бесконечных веренищ людей, которые что-то говорят мне, а я не могу их понять. Да, лучше я обойдусь без памяти. Так спокойнее, приятнее, лучше... Но... Если у меня не будет памяти, то я не узнаю, кто та женщина, которую я вижу постоянно! Сначала я думала, что это моя мама, но чем чаще я видела ее, тем сильнее убеждалась, что ошибаюсь. Нет, это не моя мать. Она кто-то еще из моего прошлого, близкий мне человек, но совсем не моя мама. Но кто она?

Солнечные зайчики что-то еще говорили мне, убеждали оставить все мысли, все тревоги, забыть все, позволить памяти не возвращаться ко мне. Но сейчас я твердо решила: мне нужна моя память! Мне нужны мои воспоминания, иначе я так и не узнаю, кто я, зачем живу и что делаю, что я люблю и не люблю, чем привыкла заниматься! Я поняла, что не вспоминала ничего по той простой причине, что сама отгораживалась от образов, которые пытались до меня достучаться! Не из-за снотворных и обезболивающих я ничего не помнила, а только по причине своего нежелания помнить! Если бы я позволила своим воспоминаниям пробиться

сквозь стену, которую я сама выстроила, то вспомнила бы все гораздо раньше! Но сейчас я твердо решила: я хочу вспомнить все. Всю свою жизнь, какой бы она ни была! Я не буду больше гоняться за тем блаженным неведением, за той обманной легкостью беспамятства! Мне важно установить, кто я такая!

Я уже не обращала внимания на солнечных зайчиков – для меня они перестали существовать. В памяти всплывали одна за другой разные картинки, но теперь я не прогоняла их и не отгораживалась от них. Те люди – они были мне знакомы. Я каким-то образом была связана с каждым из них, что-то делала для них – или они для меня?... Нет. Все не так. Люди – мои клиенты. Я работала на них. Но что я делала? Может, я их стригла? Может, я парикмахер? Нет, не то. Слово «парикмахер» никак не отзывается в моем сознании. Значит, ошибка. Я художник, который рисовал их? Тоже не то. Я...

Резкая вспышка осознания пронзила всю меня целиком. Я некоторое время пыталась принять это открытие и в то же время не понимала, как не могла додуматься до этого раньше. Как же все просто на самом деле! Нет у меня никакой матери, я не художник-портретист, а женщина из галлюцинаций является моей тетей. Ее зовут Мила. Тетушка Мила... Она очень любит меня, и я привязана к ней. Она любит готовить, и у нее это прекрасно получается. А вот я, напротив, готовить не умею. У меня нет мужа и детей, я не люблю и не умею рисовать, не занимаюсь шитьем или рукоделием. Зато я владею восточными единоборствами, превосходно стреляю, могу быстро обучиться любому виду спорта. Вдобавок ко всему я обладаю превосходной памятью и знаю несколько иностранных языков. Я умею водить машину, у меня есть свой собственный автомобиль – «Фольксваген». И ко мне постоянно обращаются люди. Я им помогаю.

Я – телохранитель Евгения Охотникова.

Последующие дни протекали однообразно, за тем лишь исключением, что в часы моего бодрствования я вспоминала детали своей жизни. В мою палату постоянно приходили врачи и медсестры – они ставили капельницы, проверяли повязку, давали мне лекарства. Хотя большую часть времени я проводила в полубреду-полусне, мне все же становилось лучше. Боль в голове и плече не была уже такой резкой, как раньше, хотя и доставляла мне беспокойство. Неприятные ощущения не проходили, но с ними можно было хоть как-то существовать. И еще теперь я хотя бы знала, кто я такая, чем занимаюсь и вообще зачем живу. Это значительно облегчало мое состояние, потому что находиться в неведении, пускай и таком блаженном, все же ужасно.

Мой лечащий врач – не тот хирург, который оперировал меня, а другой, мужчина средних лет в больничной униформе – часто навещал меня и пытался разговорить. Я отвечала на его вопросы, однако не сообщала, чем я занималась в своей прошлой жизни. Почему-то я была уверена: по поводу своей профессии мне лучше не откровенничать. На вопросы врача, кто я по специальности, я врала, что не помню, потом говорила, что училась в каком-то университете, однако после него не работала. По крайней мере, я не помню, чем занималась до ранения. В свою очередь, я старалась выведать у доктора, что ему известно про обстоятельства моей травмы. Как ни пыталась я вспомнить, кто в меня стрелял, на ум ничего не приходило. Врач тоже не знал, каким образом я получила пулю и сотрясение мозга. А может, знал, но по какой-то причине не хотел мне рассказывать? В таком случае моя ложь по поводу моей профессии не имеет никакого смысла. Но все же я продолжала играть роль жертвы амнезии.

Степан Сергеевич – так звали моего лечащего врача – навещал меня в среднем два раза в день, иногда чаще. Все остальное время возле меня находилась какая-нибудь медсестра. Я всегда спрашивала, как зовут мою очередную сиделку, стараясь запоминать имена и отчества, дабы окончательно восстановить свою память. Пока за мной ухаживали четыре медсестры: Роза Андреевна, женщина лет сорока – сорока пяти в светло-розовом халате и колпаке, Ната-

ля Владимировна, молодая фигуристая женщина с кудрявыми волосами, Вера Алексеевна, довольно строгая и неразговорчивая, и Любовь Романовна, которая производила впечатление добродушной и жизнерадостной особы. Поначалу я не стремилась завести разговор с медсестрами, однако потом поняла, что чем чаще я стану общаться с окружающими, тем скорее восстановлюсь. Поэтому я охотно поддерживала любую беседу – в основном о ничего не значащих вещах. Когда я находилась одна в палате, то пыталась вспомнить грамматику тех иностранных языков, которые знала. Придумывала про себя фразы на французском, английском, испанском, составляла простые предложения. Однажды я попросила Степана Сергеевича принести мне томик каких-нибудь стихов. Врач сперва удивился, потом решил, что в обычной жизни я люблю поэзию, и в очередной свой визит положил на прикроватную тумбочку томик Есенина. Я не стала объяснять ему, что решила заучивать наизусть стихи, дабы восстановить свою память. Первоочередной моей задачей стало вспомнить, при каких обстоятельствах я попала в больницу, и для этого я использовала все методы, которые казались мне подходящими.

Все же у меня пока было слишком мало сил на то, чтобы долго читать, не говоря уже о том, чтобы учить стихи. Поначалу я не могла даже прочитать одно стихотворение – уставала правая рука, которая держала маленькую карманную книгу, начинала болеть голова, и я просила дежурившую рядом медсестру дать мне обезболивающее и забрать книгу. Я даже не успевала разозлиться на собственное бессилие – когда проглатывала очередную таблетку, на меня нападала сонливость, и я проваливалась в дремоту. Когда открывала глаза, пыталась взять книгу снова. Сперва это тоже не удавалось – стоило мне пошевелить хотя бы пальцем руки, как начинало болеть травмированное плечо. Я преодолевала боль, брала книгу, но пальцы не удерживали томик, и тот падал на пол. Я чувствовала себя беспомощным инвалидом. От бессилия на глаза наворачивались слезы, и мне приходилось успокаивать себя тем, что такое состояние временно, оно не навсегда. Самое сложное – операция – миновало, пулю вытащили, поэтому надо просто перетерпеть это время. Вскоре мой организм окрепнет, я разработаю свои руки и ноги, и память вернется ко мне окончательно. Ведь хирург говорил, что мне повезло – все могло быть гораздо хуже. По крайней мере, обе руки у меня на месте, пускай одна и с дыркой от пули. Но это ведь лучше, чем утрата конечности! Я не такая слабая барышня, чтобы переживать относительно своего временного бессилия. Я стараюсь, я прикладываю усилия, чтобы восстановиться. Нужно просто терпение и время, чтобы окончательно пойти на поправку.

Из-за своей беспомощности и слабости я не могла выполнять даже такие простые повседневные действия, которые в нормальном состоянии человек выполняет на автомате. Мало того, что я все время лежала, не вставая на ноги, после операции я не могла даже жевать твердую пищу, – последствия наркоза, как мне объяснили. Вообще не помню, как я ела первое время – может, мне вводили зонд искусственного питания? В памяти осталось только то, как Роза Андреевна принесла мне в палату тарелку с бульоном и поставила его на тумбочку. Чтобы взять ложку и немного привстать на кровати, мне пришлось приложить уйму усилий. Наверно, я битый час пыталась устроиться так, чтобы ухитриться кое-как проглотить ложку бульона. Когда с помощью медсестры я кое-как приподняла голову, под которую Роза Андреевна тут же положила подушку, мои силы иссякли. От мысли, что еще надо как-то взять ложку в руку, я пришла в отчаяние. Медсестра заставила меня самостоятельно взять ложку, хотя и могла помочь мне.

– Давай, постарайся! – подбадривала она меня. – Когда-то ведь надо начинать! Тебе придется и ходить учиться. Взять ложку – это же просто! Давай!

Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что мне удалось проглотить пару глотков бульона, после чего я в изнеможении откинулась на подушку и закрыла глаза. Роза Андреевна взяла из моей руки ложку и сама принялась зачерпывать бульон и подносить его к моему рту. Не знаю, как я не подавилась – возможно, сработал инстинкт самосохранения, который застав-

ляет человека как-то питаться, дабы не умереть с голоду. Да, не пожелаю я никому пережить такие мгновения жизни – ничего хорошего, мягко говоря, в них нет.

Не знаю, сколько прошло времени, но однажды наступил момент, когда я смогла не просто самостоятельно встать с кровати, но даже пройти несколько шагов по больничной палате. Это действие далось мне с невероятным трудом – я совершенно не владела своим телом и даже не смогла удержать равновесие. На мое счастье, Степан Сергеевич поддержал меня и опустил на кровать. И медсестра, и врач хвалили меня, говорили нечто вроде «молодец, ты справишься!». Но мне это никакого облегчения не приносило. Напротив, я подумала, что память подвела меня и никакой я не телохранитель – судя по воспоминаниям, я мастерски стреляла, бегала, прыгала, дралась... Нет, скорее, это не я, а кто-то другой. Я человек, точнее то, что осталось от человека, который не может самостоятельно ухаживать за собой, не может передвигаться и совершать простые действия. Я растение, овощ, безнадежный инвалид, которому до конца жизни придется пользоваться услугами сиделки.

– Почему это случилось со мной? – спрашивала я врача. – Я что, никогда не смогу ходить? Ведь у меня повреждено плечо, а не ноги! Скажите, у меня травма позвоночника, да? Я буду парализована? А вы мне не говорите это, ведь так?

– Какие глупости! – усмехнулся Степан Сергеевич. – Дорогуша, я понимаю, что вы пока не в своем уме, но о какой травме позвоночника вы говорите? Все банально: от долгого лежания у вас ослабли все мышцы, и их надо разрабатывать! Да вам не на что жаловаться – рана заживает, травма головы неопасная, со временем память вернется к вам окончательно! Мышцы у вас не атрофировались, а просто ослабли. Их надо восстанавливать, то есть нагружать работой. Вот увидите – выпишитесь и будете заниматься чем захотите! Хоть на танцы ходите – никто вам не запретит!

Но я не верила врачу.

– Вы это говорите только потому, что хотите успокоить меня! – заявила я. – Вы что, не видите, что я и книгу в руках удержать не могу? У меня кружится и болит голова, плечо не проходит! Вы просто хотите поскорее меня выписать! И не признаете, что я теперь беспомощный инвалид!

– Послушайте меня внимательно, Женя, – тон врача стал серьезным и почти что жестким. – За время своей работы в клинике я видел много больных. К нам в отделение попадают жертвы автокатастроф, люди, у которых сломаны все конечности, которые остаются парализованными. Могу вас уверить: вы не находитесь в таком тяжелом состоянии, как себе надумали! Вам хочется сразу после ранения вскочить и побежать по своим делам? Вы что, киборг или человек с мгновенной регенерацией? Да, у вас не слишком серьезная травма, но для восстановления требуется время, понимаете? Мы врачи, а не волшебники, у нас нет волшебных палочек: дотронулся до раны – и она затянулась! Сейчас многое зависит только от вас, от того, насколько вы хотите вернуться к нормальной жизни. Вам нужно выполнять требования врача, то есть мои требования. Нужно стараться восстановить функции своего тела, а не ныть про свою беспомощность! Да видели бы вы других моих больных! Люди, которые лишаются конечностей, после выписки ведут активный образ жизни, участвуют в соревнованиях и живут куда полноценнее, чем якобы здоровые, но вечно ноющие и жалующиеся «страдалцы»! Скоро вас переведут в общую палату, где вы будете проходить курс реабилитации. А это означает, что ваше состояние стабилизируется, все, что в наших силах, мы уже сделали. Я не имею привычки обманывать своих пациентов. Если человек парализован, я так и говорю ему: «Уважаемый, вам придется забыть о той жизни, которую вы вели раньше, и научиться жить в новом состоянии. Вы не сможете ходить и бегать, но это не означает, что все кончено. Вы выжили, а это само по себе подарок. Безнадежность – это когда тело оказывается в гробу, а пока вы живы, можно научиться радоваться той жизни, которая вам дана!» Вам же я говорю: вы можете вернуться

к полноценной жизни. Вы не инвалид и не калека. И не нужно ныть и жаловаться, подумайте о тех, кому приходится хуже!

Я не ожидала услышать такую отповедь от спокойного, всегда улыбчивого врача. Мне даже стало немного стыдно – стыдно не потому, что я не смогла пройти нескольких шагов до двери, а потому, что решила опустить руки. У меня ослабли мышцы, но не мозг – сейчас я верила в то, что мои воспоминания – не выдумка, а правда. Ведь до ранения я была решительным, твердым человеком, который действовал в соответствии с обстоятельствами и никогда не падал духом. Я – не слабая барышня, которая падает в обморок по любому поводу. Я волевой, негиббемый человек, сообразительная, отважная и ловкая, и никакие трудности меня не остановят! Да, судьба преподнесла мне не слишком приятный подарок – я попала в больницу. Но если вспомнить, за свою жизнь я не раз получала и более серьезные ранения. Неужели я об этом забыла? Были случаи, когда меня буквально вытаскивали с того света, но я восстанавливалась и снова возвращалась к своей работе! Куда девалась та Женя Охотникова, бесстрашная, отчаянная профессионалка, которая спасает жизни других людей? Правду сказал Степан Сергеевич: другим приходится и похуже, но они ведь находят в себе силы жить дальше! Ну уж нет, меня так просто не сломаешь! Я всегда была и остаюсь непобедимой – меня невозможно уничтожить, я всегда найду лазейку и выживу! И отомщу своим врагам, чего бы мне это ни стоило!

Наверно, мои мысли как-то отразились на моем лице, потому что врач внезапно улыбнулся – по-доброму, как мой хороший и заботливый друг. Его голос стал совсем другим – в нем не осталось ни следа от прежней резкости и даже жестокости.

– Вот и хорошо! – мягко проговорил Степан Сергеевич. – Женя, ты приняла верное решение! Ну что, попробуем еще раз?

Глава 2

С того памятного дня я больше ни разу не позволяла себе опустить руки и пожаловаться на судьбу. Я старалась как могла – выкладывалась на полную, чтобы поскорее восстановиться. В моей голове словно щелкнул какой-то переключатель – я перестала сокрушаться о том, что я чего-то не могу, а попросту приняла ситуацию такой, какая она была. Да, мне сейчас трудно пройти по палате, но с каждым днем я увеличиваю количество своих шагов, каждый день – это маленький кирпичик, который я кладу на возводимую мною стену выздоровления.

Я двигалась, преодолевая боль, сама брала в руки ложку и не успокаивалась до тех пор, пока у меня не выходило совершить то или иное действие. Когда я смогла более-менее нормально ходить, не падая на пол и удерживая равновесие, я принялась разрабатывать свои ноги и руки (даже задействовала кисть раненой конечности), придумывая различные упражнения. Наверно, я бы включила в свою «зарядку» и отжимания, если бы медсестра или врач мне позволили. Когда у меня что-то не получалось, я не расстраивалась, а совершала тысячу новых попыток, пока не добивалась того, что хотела. Если бы врачи ставили оценки за старания своих пациентов придерживаться их указаний, я наверняка получала бы самые высшие баллы.

Степан Сергеевич был мною очень доволен. Он каждый день заходил в мою палату, интересовался моим самочувствием и настроением, после чего спрашивал, как продвигается мое восстановление. Скоро я не только спокойно ходила по палате, но даже совершала небольшие прогулки по коридору, естественно, вместе с кем-либо из медперсонала. А к Степану Сергеевичу я привыкла как к родному, с единственным исключением: я по-прежнему не говорила ему о своей профессии. И, что меня огорчало, я так и не вспомнила, кто и почему в меня стрелял.

Было и еще одно обстоятельство, которое тревожило меня. Когда я была сосредоточена на своем физическом состоянии, я не могла думать ни о чем другом, кроме как о том, как бы поскорее вернуться к полноценной жизни. Однако со временем мое внимание переключилось на другое. Чем быстрее шло мое выздоровление, тем меньше я закидывалась на мысли, что мне придется вести жизнь человека с ограниченными возможностями. Теперь же я постоянно вспоминала тетюшку Милу, но не понимала, почему она не навещает меня в больнице. За время своего пребывания в клинике я вспомнила все подробности нашей с ней совместной жизни – она ведь всегда заботилась обо мне, чудесно готовила и, помнится, пыталась всеми силами устроить мою личную жизнь. Почему же она не приходит ко мне? Ведь я сейчас не в таком тяжелом состоянии, когда свидания с родственниками запрещены, я могу вполне сносно передвигаться, могу разговаривать, могу сидеть за столом... Где тогда тетя Мила? Неужели она не знает о том, что я в больнице? Ведь когда я пропала, она должна была обзвонить все клиники, морги, должна была обратиться в полицию...

Я не заговаривала со своим лечащим врачом по поводу своей тети по той простой причине, что боялась – вдруг ему станет известно, что я телохранитель? Как бы я ни доверяла Степану Сергеевичу, меня не отпускало ощущение, что он знает о том, как именно я получила ранение, но почему-то не рассказывает мне. Чем больше я думала обо всем этом, тем сильнее становилась моя подозрительность и тем упорнее я старалась вывести врача на откровенный разговор. Он уже не казался мне таким добрым и заботливым, как раньше – я не могла довериться Степану Сергеевичу, и теперь меня не отпускала тревога – не за себя, а за тетю Милу. Ведь если она не приходит ко мне в больницу, это означает, что с ней что-то стряслось! По доброй воле тетюшка никогда не оставит меня, но я не могла даже связаться с ней – телефона при мне не было.

Отсутствие мобильного и заставило меня заговорить с врачом. Во время очередного визита ко мне я пристально посмотрела на Степана Сергеевича и спросила:

– Скажите, почему у меня нет мобильного? Ведь когда я попала в больницу, телефон был при мне?

– Да, вы правы, – спокойно кивнул врач. – Ваш мобильный телефон находится в моем кабинете, правда, он полностью разряжен, он выключен. Когда вы к нам поступили, то мобильник нашли в вашем кармане. Вынужден вас огорчить: вряд ли вы сможете пользоваться им в стенах нашей клиники. Место здесь такое, что позвонить настоящая проблема, ни одна сеть не ловит. Если вам нужен телефон, я его отдам. Не вижу ничего предосудительного в том, что пациенты пользуются сотовой связью. Но лучше будет, если вы воспользуетесь смс-сообщениями – в этом случае есть шанс, что эсмэска через какое-то время дойдет до получателя.

– Вот как, – кивнула я. – А скажите, меня никто не навещал? Пока я была без сознания?

– Вы вспомнили что-то про свою семью? – тут же оживился Степан Сергеевич. Интерес у него был неподдельный – при всем своем желании я не могла уловить в его голосе и нотки фальши. Если он лжет, значит, ему лучше было пойти не во врачи, а в актеры.

– Вспомнила, – решила я говорить прямо. – У меня есть родственница, моя тетя. Она очень любит меня и беспокоится обо мне, вот и странно, почему она не навещает меня в больнице. Сколько я уже здесь нахожусь?

– Пятые сутки, – тут же ответил Степан Сергеевич. – За это время никто не интересовался вашим состоянием, мне тоже показалось это странным. Мы сообщили в полицию, так как обязаны это делать при огнестрельных ранениях. Приходил следователь, но вы еще были не готовы к беседе. Он должен появиться вновь, хотя вчера я разговаривал с ним по телефону и предупредил его, что память еще к вам не вернулась. Я не смог просмотреть вашу телефонную книгу, так как не знаю вашего пароля. Извините, но мы должны были обзвонить ваших знакомых. Вы не вспомнили свою профессию?

– Нет, – покачала я головой. – Мне нужен мой телефон... И еще, я все хотела спросить. Кто меня нашел? Кто позвонил в «Скорую помощь»?

– Вы лежали на земле – видимо, при падении ударились головой, что вызвало сотрясение мозга и повлекло за собой амнезию, – пояснил врач. – «Скорую» вызвал прохожий. Он утверждал, что впервые вас видит. Напугался, когда увидел молодую женщину, истекающую кровью. В вас стреляли, когда вы находились в малолюдном районе города, а тот человек вышел из магазин и нашел вас. Вот все, что мне известно о вашем ранении.

– Ясно... – протянула я. – И никто, выходит, сюда не звонил и не приходил?

– Увы, – отрицательно покачал головой врач.

Телефон мне отдали заряженным. У Степана Сергеевича был мобильный, к которому полагалось зарядное устройство с таким же разъемом, как у меня, поэтому он зарядил мой. В принципе, если не пользоваться Интернетом и не смотреть с телефона фильмы, зарядки хватало надолго. Возможности полазить по Всемирной паутине у меня и не было – доктор ведь говорил, что в больнице связь ужасная. Он еще добавил, что для того, чтобы позвонить, больничному персоналу приходится выходить на улицу и единственное, что можно сделать из здания – это отправлять смс-сообщения. Правда, дойдут они до адресата неизвестно когда, и получить ответную эсмэску удастся не сразу.

– В таком уж месте расположена клиника, – развел руками врач. – Здание построено давно, архитекторы и строители как-то не подумали, что научно-технический прогресс дойдет до сотовой связи.

Я просмотрела свою телефонную книгу. Неудивительно, что Степан Сергеевич не нашел никого из моих родственников – я записывала в память номера телефонов своих клиентов, когда выполняла тот или иной заказ. После успешного завершения работы я стирала имена всех своих подозреваемых и людей, причастных к расследованию. Сейчас же в телефонной книге были имена и фамилии тех, кто относился к делу о покушении на одного банкира, которого я спасла незадолго до того, как угодила в больницу.

Тетушка Мила мне не звонила. И это было странно. Однако когда я открыла смс-сообщения, все стало ясно. Надо же, как я могла об этом забыть...

Тетя Мила проживала в Тарасове, у нее была сестра, с которой она давно не общалась, но связь поддерживала. Не потому, что они находились в ссоре или в плохих отношениях – просто сестра с мужем переехала за границу и в настоящее время – точнее, до настоящего времени – проживала в Австрии. Однако незадолго до моей травмы тетушке позвонил муж ее сестры и сообщил печальное известие. Сестра тети Милы умерла от рака, и безутешный супруг не мог прийти в себя после смерти подруги жизни. Детей у них не было, и муж тетушкиной сестры не знал, как ему жить дальше. У тети Милы имелся какой-то капитал, вдобавок ко всему я помогала ей с деньгами, благо моя работа это позволяла. Тетушка находилась в хороших отношениях с мужем сестры, поэтому она решила поехать в Австрию на похороны и поддержать несчастного вдовца. Чтобы не тратить деньги на телефонные разговоры, мы условились с тетушкой, что будем общаться только по необходимости смс-сообщениями. Электронной почтой тетушка не пользовалась, в социальных сетях хоть и была зарегистрирована, но не заходила туда. Последнее, что мне написала тетя Мила – это сообщение о том, что у нее все в порядке, но в Австрии она задержится.

«Надеюсь, Женечка, у тебя все хорошо, наверняка опять много работы. Не забывай кушать, хотя бы в кафе, знаю, что готовить ты не слишком любишь. Я постараюсь поддержать Кирилла, он сейчас в ужасном состоянии».

Сейчас мне все стало ясно. Смс-сообщение отправлено неизвестно когда, а получено сегодня, то есть когда я включила телефон. Понятно, что тетушка не знает, где я нахожусь – она считает, что я загружена очередной работой, поэтому не отвечаю. Даже не знаю, стоит ли ей писать о моем ранении. Для чего? Она и так переживает смерть сестры, уныние Кирилла Васильевича... Еще и мое ранение. Что я ей скажу? «Тетя Мила, приезжай немедленно, я в клинике с дыркой в плече, но все хорошо, хочу поболтать»? Ага, и моя бедная родственница будет разрываться между Австрией и Россией, хороша племянница, что сказать!

Я нажала кнопку ответа на смс-сообщение и написала:

«Тетя Мила, у меня все в порядке. Передай мои соболезнования Кириллу Васильевичу».

Отправив сообщение, я положила телефон на тумбочку. Немного подумав, выключила его – все равно, если тетушка мне и ответит, эсэмэска дойдет не скоро. В принципе оно и к лучшему, что тетя Мила не в курсе моего ранения. А то начнет волноваться, переживать, вернется в Тарасов, чтобы таскать каждый день несчастной Женечке еду в больницу... А бедный Кирилл Васильевич останется один на один со своим горем.

Да, не спорю, тетушкина еда куда вкуснее, чем «диетическая» больничная – мало того, что без соли, так еще и не отличающаяся разнообразием. Я непривередливый человек, могу есть что угодно, но согласитесь, даже очень непривередливым людям надоедает один и тот же куриный бульон или жиденький супчик с непонятным содержанием. Один раз я высказала даже не недовольство, а всего лишь вопрос: а есть ли в меню что-то еще, помимо жидкой пищи? На это медсестра, которая принесла мне тарелку, заявила, что еда в больнице – самая подходящая для пациентов и что дают, то и надо есть.

«Скоро будешь сама ходить в столовую, – прибавила она. – Увидишь, что все больные едят одно и то же».

Я смирилась с мыслью, что, пока я нахожусь в больнице, придется есть что дают – сидеть голодной я не собиралась. Успокоила себя тем, что в некоторых странах люди едят живых личинок и тараканов, поэтому мой несоленый куриный бульон – далеко не худший вариант. Больше по поводу еды я никаких вопросов не задавала.

Если с едой я как-то смирилась, то другое обстоятельство не давало мне покоя. Я совершенно не понимала, что со мной произошло, точнее, при каких обстоятельствах меня ранили. Итак, я умудрилась схлопотать огнестрельное ранение. Но кто в меня стрелял? Наверняка некто намеревался меня убить, возможно, целился в голову, но промазал. Когда это произошло? Меня ранили в перестрелке или было совершенно покушение? Чем я занималась до ранения?

Увы, как я ни напрягала память, вспомнить ничего не удавалось. Моя память возвратилась ко мне почти полностью – я могла сказать, что я люблю или не люблю, какие фильмы предпочитаю, сколько иностранных языков я знаю, какие книги приходилось читать... При желании я восстанавливала даже события моего далекого детства, когда я жила во Владивостоке. Однако день, в который меня подстрелили, словно стерся из моей памяти. Как я ни напрягала свой мозг, все было безрезультатно. Я не помнила ни места, где произошло мое ранение, ни времени, ни цели моего нахождения в данном месте. Все мои попытки заканчивались только бессильной злобой на саму себя и свою память, которая подсовывала мне совершенно ненужные картинки, но упорно скрывала самое главное. Где-то я слышала про такое свойство человеческого мозга – стирать те моменты жизни, которые губительно сказываются на психике человека. То есть, если я пережила какую-то драму, в результате чего получила огнестрельное ранение, мозг специально удалил все воспоминания об обстоятельствах травмы. Выходит, произошло нечто ужасное? Может, я не справилась с заданием и в ходе расследования моего клиента убили? Или погиб кто-то из близких мне людей? Да нет же, тетя Мила жива, а кроме нее, я ни с кем тесно не общаюсь. Тогда что произошло со мной?

Помню тот день, когда Степан Сергеевич утром пришел в мою палату. Я ожидала, что сейчас мы с ним снова будем «гулять», то есть я встану с кровати и совершу несколько шагов по палате. Сначала не будет получаться, я с трудом удерживаю равновесие, когда только встаю с кровати, но потом мои движения станут увереннее, и я смогу пройти несколько кругов по помещению. Когда мои шаги будут походить на шаги здорового человека, врач выведет меня в коридор, и я пройду довольно большое расстояние до противоположной стены и обратно. Если раньше оно давалось мне с трудом, то сейчас я передвигалась вполне уверенно и даже собиралась попробовать спуститься и подняться по лестнице.

Однако сегодня все пошло не так, как я ожидала. Врач помог мне встать, удовлетворенно покивал, когда я успешно преодолела несколько кругов, потом велел попробовать совершить несколько приседаний. Я справилась и с этой задачей – травмированное плечо в приседаниях не было задействовано, а голова уже не кружилась, как раньше. Я ожидала, что Степан Сергеевич предложит мне преодолеть лестницу, однако ошиблась.

– Что ж, Женя, могу вас поздравить, – сказал врач. – Двигательные функции почти полностью восстановлены, скоро начнем разрабатывать руку. Вам нужно на перевязку, а после вас проводят во вторую палату.

– Во вторую палату? – удивилась я. – Зачем?

– Теперь вы будете находиться не в отдельной палате, а в общей, – пояснил Степан Сергеевич. – Ваше состояние стабильное, опасений не вызывает. Теперь дело за малым – добиться полного выздоровления. Посмотрим, как поживает ваша рана, и тогда можно будет сказать, когда начинать занятия по восстановлению двигательных функций руки. Не бойтесь слова «общая палата» – пока там находится только один человек, точнее, одна девушка. Очень хорошая, вы с ней подружитесь, думаю. Хватит вам общаться только со мной и медсестрами. Есть станете в общей столовой, с теми больными, которые находятся в фазе восстановления. Я вас буду так же навещать, не беспокойтесь. Ну что, готовы? Тогда пойдемте на перевязку!

Итак, меня перевели в общую палату.

После перевязки медсестра – сегодня дежурила Роза Андреевна – показала мне, где находится моя новая палата. Я зашла в небольшую комнату, которая была немного просторнее моей предыдущей палаты. Отличалась она от прежнего места моего обитания тем, что в ней стояло три кровати, одна из которых была застелена клетчатым одеялом. Две другие были с постельным бельем, одна, возле окна должна была быть моей койкой. На кровати в центре комнаты сидела девушка лет девятнадцати-двадцати. У нее были светлые волосы, заплетенные в толстую косу, и приятное, миловидное лицо. Одета девушка была в уютную пижаму нежно-голубого цвета с нарисованными мордочками Микки-Мауса. Столь смешная расцветка удивительным образом шла девушке – пижама делала ее какой-то наивной, доброжелательной и беззащитной. Не знаю почему, но я сразу же почувствовала к ней симпатию. Она читала книжку – я не видела обложку, поэтому про себя стала раздумывать, какая литература может быть интересна девушке. На ум пришли любовные или сентиментальные романы, но не дешевое «бульварное чтиво», а что-то из классики. Может, «Анжелика» супругов Голон? Или что-то из произведений Жорж Санд? А может, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте?

Услышав наши шаги, девушка подняла голову и отложила книгу. Она с удивлением посмотрела сперва на Розу Андреевну, а потом на меня и поздоровалась. Голос у нее был тихий и робкий, словно она стеснялась новых людей. Я ответила ей приветливой улыбкой и пожелала доброго дня.

– Анечка, знакомьтесь, это ваша новая соседка по палате Женя, – представила меня медсестра. Аня улыбнулась мне в ответ и встала с кровати. Я увидела, что ее правая рука перебинтована, но не похоже, что у девушки перелом. Скорее другая травма – либо сильный порез, либо серьезный ушиб. Было видно, что рука Ане не доставляет видимого беспокойства – она не морщилась от боли, просто старалась держать ее неподвижно. Если бы был гипс, наверняка бы рука сильно отличалась по толщине от другой, а так просто забинтована от запястья до локтя. Только повреждена была не левая, как у меня, а правая. Немного приглядевшись, я увидела под пижамой видневшийся кусок бинта – видимо, у девушки была перебинтована и какая-то часть корпуса. Интересно, что с ней произошло? Несчастный случай? Или что-то другое?

– Аня, как у тебя дела? – заботливо осведомилась Роза Андреевна. – Как рука, болит?

– Нет, почти не беспокоит, – ответила девушка. – Все хорошо.

– Вот и замечательно! – ласково сказала медсестра. – Ну что, Женя, располагайся, знакомьтесь... Не буду вам мешать, если вдруг понадобится какая помощь, Аня знает, где кнопка вызова медсестры или врача.

Роза Андреевна вышла из палаты, я села на свою кровать. Девушка положила книжку на тумбочку. Я ошиблась – читала она не классический любовный роман, а книгу на английском языке – сборник рассказов Конан Дойля. Увидев мой взгляд, обращенный на томик, она пояснила – все так же с улыбкой:

– Вот решила в больнице время зря не терять. Нам в университете преподаватель иностранного языка задал прочитывать какую-нибудь художественную книгу, желательно неадаптированную, и написать по ней сочинение. Эссе вроде... Как писать его на английском, представления не имею, но думаю, для начала надо выполнить первую часть задания, то есть хотя бы прочитывать книгу. У меня с английским не совсем все хорошо, хоть я и занимаюсь. Но грамматика не дается, к тому же некоторые обороты никак не могу перевести. Вроде там из контекста надо понимать, спасает только то, что в школе я перечитала все рассказы про Шерлока Холмса и помню их. Если бы мне досталось незнакомое произведение, боюсь, больше одной главы и за неделю бы не одолела...

– Я просто обожаю изучать иностранные языки! – улыбнулась я. – Если хочешь, могу помочь с книгой. Главное, не пытайся переводить – просто читай, а смысл сам придет. Многие делают такую ошибку – за каждым словом лезут в словарь и в результате тратят уйму времени на перевод. Особенно когда автор использует устойчивые обороты, разговорную лексику

и фразеологизмы. Тут как в «Алисе в Стране чудес» получается. Помнишь, про Болванщика? «Отдельные слова вроде знакомы и понятны, но в целом смысл остается неизвестен». Не поручусь за точность цитаты, но с иностранным языком примерно так и происходит. Можно узнать значение каждого слова, каждого междометия, но фразу так и не перевести.

– А если мне вообще не ясно, о чем идет речь? – удивилась девушка. – Придется ведь все равно лезть в словарь! У меня он не слишком хороший – мало слов, хватает на выполнение учебных упражнений из учебника, но никак не для чтения неадаптированной литературы.

– Я и не говорю, что словарем пользоваться не надо! – возразила я. – Просто не лезь в него за каждым словом. Постарайся сама догадаться о смысле фразы, а со временем перестанешь и вовсе пользоваться словарем.

Аня оказалась на редкость интересной собеседницей. Мы долго общались на тему иностранных языков, потом я поинтересовалась, в каком университете она учится. Аня рассказала, что сейчас она на третьем курсе нашего тарасовского университета, через два года уже получит диплом преподавателя словесности. Учителем русского языка и литературы в школу Аня идти не хотела, планировала остаться в университете и окончить аспирантуру.

– Мне больше интересно изучение произведений, нежели их преподавание, – пояснила девушка. – Вот ведь как выходит: грамматику русского языка я знаю превосходно, у меня врожденная грамотность. А вот с правилами в иностранных языках проблема. Английский – это еще полбеды, а вот французский и немецкий, которые мы тоже изучаем, – с ними и вовсе кошмар. В голове все не укладывается, прямо и не знаю, что делать...

– А что с тобой случилось? – Я кивнула на забинтованную руку девушки. – Как ты в больницу попала?

– Да все из-за дороги... – вздохнула та. – Понимаешь, в выходные мы с братом поехали в Степное, это в нашей Тарасовской области. У меня там одногруппница живет, так как поселок близко к Тарасову, на выходные она уезжает домой. Вечером в пятницу после пар на электричку – там два часа езды, а обратно в понедельник утром. Приходится пропускать первую пару, но никто из преподавателей на нее не сердится. А вышло так, что я ей давала конспекты, которые нужны для подготовки к семинару. Она их взяла на прошлой неделе, чтобы дома поучить, и оставила там. В принципе ничего такого ужасного, но нам назначили семинар в понедельник, и мне очень нужны были мои конспекты. Я ей позвонила, она дико извинялась, что так вышло, но никто же не знал, что семинар перенесут. Я думала, как поступить, а мой брат Андрей предложил мне съездить в Степное вместе. Он хорошо водит машину, а сейчас весна, лед растаял, можно спокойно ездить на машине... Я обрадовалась, что Андрей мне поможет – он вообще классный, мы с ним очень дружим, он всегда меня выручает! Я в детстве гордилась, что у меня есть старший брат – никогда в обиду не даст, с уроками всегда поможет... В общем, мы поехали в субботу, во второй половине дня, за конспектами. Раньше выехать, увы, не получилось. Короче говоря, дорога не везде была нормальной – я не помню, как вышло, что мы врезались. Я не смотрела на дорогу, в памяти остался только неожиданный толчок, боль от удара и резкая боль в руке... Я вроде сознание потеряла... Ну, очнулась в больнице, в травматологическом отделении. Врач сказал, что мне повезло – руку я не сломала, а только сильно порезала о стекло. Как-то вышло, что я выбила окно машины, хотя я ничего этого не помню. Кажется, ремень безопасности был пристегнут, но сейчас я уже ни в чем не уверена. И еще у меня смещение позвонков. А вот Андрею повезло меньше – у него сотрясение мозга, плюс сломано несколько ребер, но, как врач сказал, ребра – это пустяки, а вот сотрясение – вещь опасная. Нас мама навещает, она меня только успокаивает. Говорит, что Андрею лучше становится, возможно, скоро его тоже переведут в общую палату. И, кстати, брат не виноват в аварии – все случилось из-за того, что ехавшая впереди иномарка не включила поворотники и свернула, а мы потому и врезались. Вот ведь правду говорят: главная беда России – это дураки и дороги. А точнее, дураки на дороге.

– Да, вынуждена согласиться, – кивнула я. – Сама машину вожу, такие кадры иногда встречаются, диву даешься. Вот и возникает закономерный вопрос: то ли у нас на дорогах сплошные суицидники, то ли любители острых ощущений, то ли граждане с отставанием в умственном развитии.

Аня спросила о моей травме, но я туманно ответила, что ничего не помню – попала в больницу с сотрясением мозга и травмой руки. Про то, что некто покушался на мою жизнь, рассказывать не стала. Мало ли что подумает девушка – еще решит, что я причастна к каким-то криминальным делам. Нет уж, меньше знает – крепче спит, к тому же я сама толком не могла сказать, что произошло на самом деле.

До обеда мы в основном разговаривали – Аня рассказала, что она скоро выписывается, обещают на днях снять повязки, и, если состояние здоровья девушки позволит, можно будет долечиваться дома.

– Хорошо бы и Андрея поскорее выписали! – протянула моя новая знакомая. – А то ведь как-то несправедливо получилось – я почти выздоровела, а его и в общую палату не перевели... Хотя ни он, ни я в аварии не виноваты, все тот ненормальный за рулем иномарки! Могу поспорить, что он ни царапины не получил, жив себе и здоров. Всегда выходит, что страдают невинные люди...

От Ани же я узнала, что в клинику, где мы с ней находимся, попадают в основном жертвы автокатастроф, несчастных случаев и неудачных суицидальных попыток. В основном все начинают с реанимации, потом переходят в обычную палату, где проходят перевязки, получают необходимые медикаменты и ходят на сеансы массажа и лечебной физкультуры. Те, у кого психические проблемы, посещают сеансы психотерапии – в основном данная процедура касается суицидников и тех, кто получил травмы головы.

– Массаж – это здорово! – заверила меня Аня. – Мне каждый день полагается ходить на массаж спины, чтобы позвонки на место поставить. Представляешь, в какой-то мере мне повезло, что я попала в автокатастрофу. У меня же с детства искривление позвоночника, а массаж – удовольствие дорогое. Зато тут я могу его посещать бесплатно, вдобавок ко всему мне лечат весь мой позвоночник целиком. ЛФК, то есть лечебная физкультура, тоже забавная вещь. Совсем не сложная, простые упражнения и все. Да, еще сеансы психотерапии есть, правда, не скажу, что они мне тоже понравились. Со мной как-то соседка лежала, Рита Ивановская. Она суицидница, пыталась себе перерезать горло, у нее такой жуткий шрам остался! Прямо через всю шею, уродливая такая полоса, я как-то видела, когда перевязку ждала. При чем разговаривать с ней невозможно было – она все время молчала, на вопросы не отвечала. А потом ей сказали, что днем будет сеанс у психолога. Она почему-то так перепугалась, расплакалась... В палате других пациенток и медсестер не было, я ее стала успокаивать. Она только тогда и разговорилась – призналась, что у нее сплошные проблемы с детства: депрессии, тревожность, какие-то жуткие мысли, страхи... В один из таких «приступов безысходности», как она его назвала, она и попыталась покончить с собой. Ни родители, ни ее молодой человек ее не понимают, считают ненормальной. А психологов она боится, потому что придется о себе рассказывать, а она не хочет, чтобы все ее страхи выплывали на поверхность. Она упрашивала меня сходить вместе с ней на сеанс психотерапии, чтобы ей не так жутко было. Я и согласилась – ведь туда можно и просто так прийти, без всяких психологических проблем. Я и пошла. В принципе ничего такого сверхъестественного – сначала мы тесты заполняли, все в основном про свое душевное состояние и подверженность депрессии. Потом нас на память проверяли, на внимание, а после психолог – мужчина в очках – попросил нас рассказать, что нас тревожит, вообще что-нибудь о себе сказать. Чем-то напоминает сеанс психотерапии в западных фильмах – этаким врач говорит: «А теперь каждый назовите свое имя и скажите, что вы видели сегодня ночью во сне». Не такой абсурд, конечно, но нечто подобное. Рита зря волновалась – никто к ней в душу не лез, врач тот ничего не просил ее про себя рассказывать, чего она не

хочет. Потом он дал нам цветные карандаши и велел нарисовать свой самый большой страх, а рядом – то, как мы себе представляем счастье. Я что-то начеркала – так, для отмазки, Рита тоже нарисовала черный круг, а картинку со счастьем не стала делать. Потом еще какие-то дурацкие задания были, а после нас психолог отпустил. Собрал картинки, но не сказал, какие результаты тестов и наших рисунков. Не знаю, конечно, но, по-моему, не сеанс психотерапии, а бред какой-то.

– И что, результаты так и не сказали? – удивилась я.

Аня отрицательно покачала головой.

– Нет, вообще ничего не говорили! Я этого психолога хоть и видела в больнице, мне непонятно, когда он свои сеансы проводит. Все ходит с какими-то бланками, бумажками... Может, индивидуально с кем-то из пациентов работает. Но Риту он больше не вызывал. Да она, впрочем, скоро выписалась – рана-то вроде зарубцевалась, а здесь не психиатрическая лечебница. Надеюсь, с ней все нормально будет. Уж не знаю, куда ее родители смотрят и парень, но могли бы хоть психотерапевта нормального найти...

Наш разговор был прерван появлением Розы Андреевны, которая сказала, что пора спускаться в столовую на обед. Аня кивнула и встала с кровати. Двигалась она довольно легко и проворно, и если бы не перебинтованная рука и тело, я бы не сказала, что она нездорова. Напротив, девушка казалась жизнерадостной и энергичной, чего я не могла сказать о себе. Мне ведь приходилось следить за собой – шагать так же уверенно, не допуская мысли, что внезапно может закружиться голова. От Ани я не отставала, однако между нашими движениями была разница: если Аня естественным образом спокойно преодолевала расстояние от палаты до лестницы и вниз к столовой, то мне приходилось каждое свое движение контролировать, и себе самой я напоминала сороконожку, которая внезапно задалась мыслью: а как же она передвигается.

Столовая находилась внизу – требовалось спуститься на один лестничный пролет и пройти немного вперед, после чего следовало зайти в открытую дверь. Если стены палат и коридоров были выкрашены в бледно-голубой больничный цвет, то интерьер столовой ничем не напоминал о том, что находится данное помещение в здании клиники. Наоборот, чем-то большая комната со столами и стульями походила на городское кафе или студенческую столовую. Стены здесь были приятного желтовато-персикового цвета, подносы – красными, стулья и столы – белыми. Не хватало разве что кофемашины и стойки с пирожными и тортами, а также прилавка с сэндвичами и пищей. Понятное дело, «вредной» еды тут не было. И выбирать особо не приходилось – всем наливали в глубокие тарелки светло-желтый суп, наверно, рассольник, а на второе полагалась рисовая каша с куриными котлетами на пару. Из напитков – компот из сухофруктов. Разместившись за одним столиком, мы с Аней поставили на поднос наши тарелки и принялись за еду. Моя соседка уплетала суп с большим удовольствием, как будто ничего вкуснее в жизни не ела. Наверно, привыкла к тому, что в больнице соль не употребляли, и вообще, следовало забыть о соусах, кетчупах и прочих дополнениях к обеду. Я последовала Аниному примеру и тоже принялась за свой паек. Кроме нас, в столовой было не слишком много народу: несколько женщин и мужчин разного возраста, все либо с перевязанными конечностями, либо в гипсе или на костылях. Однако передвигались пациенты самостоятельно, хоть и с разной скоростью. Судя по всему, в столовую спускались больные, состояние которых стабилизировалось, то есть те, которые готовятся к выписке.

– Все-таки в рис можно было бы соли положить, – критически заметила я, пробуя на вкус второе блюдо.

Аня пожалала плечами.

– Ты на диете, что ли, ни разу не сидела? – хмыкнула она. – Во всех почти полагается есть гречку или рис без соли. Сначала гадость гадостью, а потом ничего, привыкаешь.

– Вот еще! – фыркнула я. – Я этими глупостями как-то не занимаюсь. От пищи сейчас бы не отказалась...

– Размечталась! – засмеялась девушка. – Там же полно всего, что нельзя есть больным! Мало того, что мучное, так еще и всякая колбаса, сыр, еще бог знает что... Если подумать, в пище ни одного нормального полезного продукта!

– Зато вкусно, – пожала плечами я. – И потом, в Италии это национальное блюдо.

– Ага, национальное! – усмехнулась Аня. – Да это просто еда бедняков! Ведь знаешь, как она появилась? Бедные хозяйки складывали все оставшееся, перемешивали – и на сковородку. Вот вам и обед! А сейчас это выдают за национальное блюдо.

– И что, ты не ешь пиццу? – удивилась я.

Аня меланхолично пожала плечами.

– Ем, конечно... В столовой в университете, например. Девчонки из группы ведь тоже себе еду покупают, я же не буду как белая ворона капустный салат жевать! Но не каждый день я себе такое позволяю. Так, иногда. Но все-таки я приверженец более здорового питания, хотя и не всегда получается... Тортики там по праздникам – мама очень вкусный «Наполеон» готовит, летом – мороженое, конфетки-шоколадки... Ладно, до тридцати-сорока можно, пока обмен веществ не замедлился и организм переваривает все подряд. Потом уже старость – и пожалуйста, то нельзя, се нельзя... Но ты не подумай, я вот наркотики и алкоголь вообще не употребляю. И не курю! Хотя одноклассницы некоторые дымят, но я эту гадость никогда не пробовала и не собираюсь. Оно мне нужно – травить свои легкие? Да и зубы у курильщиков просто жуткие – либо желтые, либо черные. Фу, дрянь какая!

– Ты права, сомнительные удовольствия, – согласилась я. Мы еще немного поговорили о здоровом образе жизни, вредных привычках и, наконец, сошлись во мнении, что больничная бессолевая «диета» – все-таки не самое худшее, что может быть, а котлеты на пару совсем даже ничего.

Остаток дня прошел незаметно – впервые после долгого периода нахождения в больнице я не была заиклена на собственном состоянии и не мучилась бесконечными вопросами, кто меня подстрелил и когда я смогу полностью восстановиться. Общительная Аня без умолку что-то рассказывала, и я позволила ей меня увлечь. Скажу, что в обычной жизни у меня близких друзей не было – не по долгу службы я общалась только с тетусшкой Милой, и этого мне вполне хватало. По натуре я одиночка и свободное время предпочитаю проводить за просмотром фильмов. Я совсем не сентиментальная барышня, которая вываливает все свои проблемы подружкам и часами может болтать по телефону. Напротив, мне вполне комфортно находиться наедине с собой, а общения хватает с клиентами и подозреваемыми. Однако сейчас я изменила себе – меня несколько не напрягали разговоры с Аней, и я не хотела остаться одна в палате. Может, повлияло то обстоятельство, что я оказалась в больнице, может, сама обстановка так воздействовала на меня, а может, я устала от бесконечных попыток как можно скорее восстановить все функции своего организма. Я предпочла не задумываться о причинах своей внезапной «общительности» и попросту спокойно разговаривала с соседкой по палате.

Отбой в больнице был строго в девять вечера. Все та же Роза Андреевна зашла к нам в палату, вытащила из подставки две колбочки с таблетками. На одной была написана фамилия Ани, на другой – моя. Мы получили по несколько пилюль, у меня они были белые, розовые и голубые, у Ани – просто белые. Я было заинтересовалась, что нам за лекарства дают, но Роза Андреевна пожала плечами.

– Я вам не могу сказать названия препаратов, – пояснила она. – Их выписывает врач, утром таблетки раскладывают по колбам для каждого больного. Вы же говорите доктору о своем состоянии? Вот исходя из этого, вам и прописывают лекарства. После выписки – это уже касается Анечки – надо будет получить список препаратов, которые потом купите в аптеке.

– Да я знаю, – беззаботно мотнула головой Аня. – Хорошо бы те же самые получить. А то у меня иногда бессонница начинается, когда заданий в университете много, могу несколько часов ворочаться в постели и не спать. А тут – не знаю почему, но со сном у меня вообще проблем нет! Мгновенно вырубаясь и просыпаюсь в семь утра, хотя дома могу и в пять подскочить!

Девушка запила свои лекарства водой, я последовала ее примеру. В принципе я согласна с Аней – я тоже в больнице сплю слишком много, в обычной жизни мне хватает и пяти-шести часов ночного отдыха, а здесь я прямо-таки на каникулах. Сплю, ем и в принципе, помимо ходьбы и зарядки для тела и ума, ничего больше не делаю.

Убедившись, что мы добросовестно выпили все пилюли, медсестра пожелала нам доброй ночи и выключила верхний свет. Палата погрузилась в темноту.

Глава 3

Я слышала, что в палату кто-то вошел, однако было темно, свет не включили. Наверно, Роза Андреевна проверяет, спим ли мы, лениво подумала я про себя и постаралась снова погрузиться в блаженный, спокойный сон. Мысли, которые текли и без того медленно, казались далекими и ненастоящими, как будто принадлежали не мне, а кому-то другому. Я позволила им лениво проползать мимо, не задерживая ни одну и не сосредоточивая на ней внимания.

Но этот шум упорно мешал мне заснуть – он не затихал, а становился все громче и громче. Я даже немного рассердилась – на дворе ночь, а мне не дают спать. Но когда неугомонный посетитель принялся трясти меня за плечо, я уже не могла не обращать на это внимания. Я с трудом разлепила глаза и кое-как сфокусировала взгляд на ночном госте. Я с трудом разглядела лицо Степана Сергеевича.

– Женья, скорее просыпайся! – повторял он как заведенный. – Твоя тетя, тетушка Мила, она...

– Что? – медленно проговорила я. – Она пришла меня навестить? Мне надо выйти из палаты и поговорить с ней?

Но лицо Степана Сергеевича не выражало никаких эмоций, кроме тревоги. Он покачал головой.

– Твоя тетя... трагически погибла. Мне очень жаль...

Яркая вспышка – и я теряю сознание. Очнувшись, нахожусь уже не в палате, а в машине. Степан Сергеевич за рулем, мы куда-то едем... Только куда? И что с тетей Милой? Она... погибла?... Но может, мне привиделось? Я могла все это сама себе надумать... Только куда мы едем со Степаном Сергеевичем, куда он меня везет?

Я хочу спросить об этом врача, но не могу заставить себя произнести ни слова. Внезапная усталость заставляет меня прикрыть глаза – только на секунду, однако, когда я открываю их снова, картинка происходящего меняется. Я уже никуда не еду – вместе со Степаном Сергеевичем мы стоим на мокрой от весеннего дождя земле. Голые ветки деревьев, еще не успевшие покрыться первой листвой, одиноко тянут свои длинные когти ко мне, точно хотят схватить меня и притянуть к себе. Я оглядываюсь по сторонам – много людей, некоторых я знаю, а некоторых – нет. Лица, бесконечные лица с горестным выражением, черные одежды, скорбные позы... Я смотрю в центр круга, который образован стоящими людьми, и вижу длинный продолговатый гроб. Я, словно зачарованная, подхожу к нему и смотрю внутрь. Спокойное, умиротворенное выражение восковой маски, на которой застыла грустная полуулыбка, скрещенные на груди желтые маленькие руки... Почему-то мертвые так похожи на восковых кукол. В них практически не узнается человек, который когда-то был живым. Я привыкла видеть тетушку вечно суетящейся возле плиты, придумывающей рецепты, изумительно готовящей изысканные блюда... Активной, радостной, заботливой, такой живой и подвижной... Неужели эта восковая кукла – моя тетя? Моя любимая тетушка Мила?...

Я хочу спросить окружающих, не произошла ли какая-то ошибка? Ведь это не может быть моя тетя, это кто-то другой, похожий на нее, но не она! Но вместо вопроса из моего рта вырывается хриплый, протяжный крик.

– Женья! Женья, что с тобой? Женья, Женья!

Меня снова трясут за плечо – то, которое здоровое, трясут за руку. Я понимаю, что это не Степан Сергеевич, голос принадлежит женщине. Но я продолжаю кричать – она что, не понимает, что умерла моя тетя? Что тетушка Мила лежит в гробу, и сейчас гроб закроется, его опустят в могилу, и...

– Женья, проснись!

Я открываю глаза. Смотрю на Наталью Владимировну – Розы Андреевны в палате нет. Уже не темно, как раньше, в окна пробивается бодрый утренний свет. Красивое лицо медсестры взволнованно, она постоянно повторяет мое имя и уговаривает проснуться.

Я замолкаю, смотрю на Наталью Владимировну бешеным взглядом. До меня с трудом доходит, что я нахожусь не на кладбище, а в больничной палате и рядом со мной – не врач, а красивая молодая медсестра. С трудом переведа сбившееся дыхание, я тихо спрашиваю:

– Это... это мне привиделось? Тетя Мила, она... жива?

– Какая тетя Мила? – удивилась Наталья Владимировна. – Женя, тебе просто приснился кошмарный сон! Все хорошо, все в порядке. Все живы, никто не умер, это был просто ночной кошмар!

– И... кладбища тоже не было? – все так же тихо спросила я. – Мы... мы ведь со Степаном Сергеевичем ехали в машине, он мне сказал, что тетя Мила трагически погибла... Я видела, как она лежит в гробу...

– Тебе все приснилось! – заверила меня медсестра. – Пойдем в туалет, умоешься, и все пройдет! К тому же увидеть во сне мертвого родного человека означает, что он будет жить долго! Так что не переживай. У тебя вчера было много новых событий, тебя перевели в другую палату. Вот ты и переволновалась, потому и увидела кошмарный сон. Пойдем со мной.

Я неловко сползла с кровати, несколько секунд посидела, чтобы унять дрожь, которая не хотела проходить. Потом встала, с ужасом отметив, что ноги подкашиваются и трясутся, как у олененка, который учится ходить. Надо взять себя в руки, твердила я про себя. Нельзя, чтобы кто-то видел мою слабость, нельзя, чтобы медсестра сочла меня такой впечатлительной, что от ночного кошмара я теряю ориентацию. Да что это творится, в самом деле? Сколько себя помню, мне никогда не снились кошмары! Я вообще не впечатлительный, не эмоциональный человек! Я машина, робот, этаким механизм, который запрограммирован на эффективную работу! Это жалкое подобие меня и есть я? Да что вы, издеваетесь, что ли? В кого я тут превращаюсь?

Я внушала себе, что иду по коридору бодро и уверенно, но на самом деле я изо всех сил вцепилась в руку Натальи Владимировны, и медсестра едва ли не силком тащила меня в уборную. Над раковиной висело зеркало, и я впервые за долгое время внимательно рассмотрела свое лицо. Этакая самоидентификация, если можно так выразиться. Странно, но несмотря на то, что я по утрам умывалась, чистила зубы, расчесывалась, на свое лицо я как-то не обращала внимания. Не рассматривала свои глаза, нос, губы – вроде как я с детства привыкла к этому лицу, зачем на него смотреть? Но сейчас я стояла возле зеркала, из крана текла холодная вода, и я уставилась как замороженная на свое отражение. Как-то до меня с трудом доходило, что молодая бледная женщина с впалыми щеками и темными кругами под глазами – это и есть я, Женя Охотникова.

Признаться, у меня был весьма жалкий вид. Какое-то полубезумное выражение лица, торчащие в разные стороны всклокоченные короткие волосы... Нелепая пижама, которая мне была велика, но, слава богу, на ней не было идиотских рисунков и надписей. Откуда у меня эта пижама? Она что, больничная? Рубашка болтается на мне как балахон, и вообще, непонятно, кто это отражается в зеркале – молодая женщина или молодой парень. Да, лучше мне пока в зеркало не смотреться...

Я намочила руку – вода была ледяная – и умылась. Сначала просто протерла глаза, потом, внезапно разозлившись на себя, на зеркало и на ночной кошмар, набрала в пригоршню воды и выплеснула ее на лицо. Ледяная жидкость немного протрезвила меня. Я пригладила мокрыми пальцами волосы, стараясь заставить их послушно лечь за ушами, потерла виски. Наталья Владимировна с улыбкой наблюдала за моими действиями.

– Тебе сейчас лучше будет, – заверила она меня. – Пойдем со мной в кабинет. Конечно, больным нельзя, но у меня есть пакетик растворимого кофе. Кофе пьешь?

Я медленно кивнула.

– Вот и отлично. От одной чашки ничего плохого не случится, к тому же кофе не заварной, а просто растворимый с сахаром.

Добрая Наталья Владимировна поставила кипятиться электрический чайник, насыпала мне в чашку обычный кофе «три в одном», после чего залила его горячей водой. Только сейчас я подумала, как давно не пила кофе. В больнице нам давали в основном компот или кисель, реже – чай. Обычный черный, без сахара. Один раз мне принесли какао, но я даже не помню его вкус – в памяти осталась бледно-розовая пластмассовая чашка со светло-коричневой жидкостью. Но при всем желании я не могу сказать, вкусное было какао или нет, был ли там сахар, был ли напиток горячий или холодный...

– Через двадцать минут будет завтрак, – проговорила Наталья Владимировна. – Я попрошу санитарку позвать пациентов, сама тебя провожу в столовую. Не хватало еще, чтобы ты по дороге рухнула в обморок.

– Со мной все в порядке, – ответила я медсестре, сама не слишком веря в свои слова. – Я дойду, не надо меня провожать.

– Конечно, дойдешь, – кивнула та. – Я просто пойду рядом с тобой. Если хочешь, мне так спокойнее. Ты же не будешь доставлять мне неудобства, так?

Я медленно пила кофе, стараясь полностью сосредоточиться на вкусовых ощущениях. После безвкусной и несоленой еды напиток казался мне приторно сладким, даже чересчур. Я несколько раз подбавляла воду, но кофе не становился лучше. Наталья Владимировна с удивлением смотрела, как я развожу напиток, а потом сказала:

– Да тут, наверно, вкуса нет уже! Я насыпаю кофе и наливаю половину чашки кипятка, чтобы не получилась вода. Иногда сахар добавляю.

– У меня что-то с восприятием случилось... – проговорила я. – Не обращайтесь внимания.

Кофе я так и не допила – Наталья Владимировна сказала, что пора идти завтракать. Она нажала кнопку вызова медперсонала и попросила санитарку позвать остальных пациентов в столовую, а потом кивнула мне, побуждая идти следом. Я старалась всем своим видом показать, что со мной все в порядке, иду я замечательно – быстро, ровно и уверенно, – и поневоле сама поверила в то, что ничего ужасного со мной не случилось. Ночной кошмар постепенно терял свои яркие краски, и я успокаивала себя тем, что вскоре и вовсе забуду про сон. Все-таки надо написать тете Миле смс – поинтересоваться, как у нее дела.

За столиком я сидела в одиночестве. Ани почему-то рядом не было, ее стул пустовал. Наталья Владимировна оставила меня возле столика, сама направилась к пункту раздачи. Медсестры всегда стояли возле поваров – наверно, проверяли, всем ли пациентам досталась еда и не пытается ли кто увильнуть от приема пищи. Наверняка были и такие больные, которые избегали питаться в столовой. С одной стороны, я их понимала – конечно, не заморские яства, а с другой стороны, считала, что, раз в больнице принято подавать такую еду, нечего ломаться. С детства ненавижу манную кашу, но ту, что у нас была на завтрак, старалась съесть до конца. Если подумать, это всего-навсего каша, а я не капризный ребенок, что дали, то дали. Зато к каше полагался бутерброд с маслом, и я пожалела, что нельзя взять добавку. К бутербродам я всегда относилась положительно.

Санитарка (не знаю ее имени) подошла к Наталье Владимировне и что-то сказала ей. Красивое лицо медсестры выразило сперва удивление, потом тревогу. Она что-то ответила и вышла из столовой.

Я доела свой завтрак и решила возвращаться в палату. На остальных больных не обращала внимания, жаль только, что Аня мне не составила компанию. Хотя вроде ее должны выписать, может, девушка покинула палату, когда я спала? За ней наверняка приехала мать. Да, как быстро меняются обстоятельства. Еще вчера я разговаривала с Аней, даже получала удовольствие от общения, а сегодня уже мне не с кем беседовать. Но это больница – пациенты

поступают в клинику, лечатся и выписываются. Меня тоже выпишут, и я забуду и медсестер, и врача, и других больных...

Я не стала дожидаться медсестру – что я, инвалид, в самом деле? Вполне могу спокойно дойти до своей палаты. Лестница уже не представляла для меня такого препятствия, как раньше, и я без труда преодолела пролет. Голова не кружилась, сознание было ясным. Кошмар я постаралась выбросить из памяти – сон остается сном, ничего ужасного не случилось. Наталья Владимировна была права: вчера произошло довольно много событий, если сравнивать с моей предыдущей жизнью в больнице. Новая палата, новый человек, еда в столовой... Что и говорить, а после сотрясения не так просто восстановиться, этим и можно объяснить ночной кошмар.

Я зашла в палату. Вопреки моим ожиданиям, Анины вещи были на месте – даже кровать не застелена. Я увидела лежащий томик рассказов Конан Дойля на английском языке с закладкой где-то посередине книги. Странно, что Аня оставила ее в палате. Забыла, что ли? Может, за ней неожиданно приехала мать и девушка не успела собраться? Позвольте, ведь я проснулась от кошмара примерно в восемь, плюс-минус полчаса. Завтрак подается в больнице в девять утра, обед – в полвторого или в два, ужин в шесть. Стало быть, Анина мать приехала в семь утра? Странно. Не думала, что посещения разрешены так рано. И потом, им же нужно было дождаться лечащего врача Ани, чтобы тот выписал ей назначенные препараты и рекомендации! Сомневаюсь, что рабочий день врачей начинается в семь утра, скорее всего, они приходят к девяти, если не позже. И потом, накануне Аня ничего не говорила о том, что ее сегодня выписывают. Мы ведь так хорошо с ней общались, девушка обязательно сказала бы мне, что на следующий день ее уже не будет в больнице. Я точно помнила, что Аня ничего подобного мне не говорила. Тогда почему ее не было в столовой? Почему нет сейчас в палате?

Мои размышления прервало появление Натальи Владимировны. Медсестра казалась взволнованной, едва ли не напуганной. Я посмотрела на нее с удивлением и проговорила:

– Моей соседки по палате нет. Она на завтраке не была. Ей хуже стало, да? Неужели ее перевели в реанимацию?

В мозгу яркой вспышкой пронеслась картинка из моего ночного кошмара. Гроб, покойница, кладбище... Вдруг во сне я видела не тетю Милу, а мертвую Аню? Неужели ночью девушке стало хуже и она умерла?

– С Аней что-то случилось? – уже громче спросила я. – Ей... она жива?

Наталья Владимировна медлила с ответом. Она подошла к кровати моей соседки и посмотрела на скомканное одеяло. Я вслед за медсестрой взглянула на прикроватную тумбочку Ани. Там по-прежнему лежали личные вещи девушки: тетрадки с конспектами, вероятно, в больнице она делала домашние задания, книги, шариковые ручки... Все было, как раньше. Не хватало только самой хозяйки этих вещей.

– Аня... Аня пропала, – наконец со вздохом произнесла Наталья Владимировна. – Не знаю, как такое вообще могло случиться, но... в больнице ее нет. Пациентам, то есть тебе, не следует об этом знать, но ты ведь не успокоишься, будешь допытывать персонал вопросами, пока не узнаешь правду. Я думала, может, она в туалете – упала в обморок или еще что, – но там ее нет.

– Но... Может, она у врача? – предположила я. – Или ее похитили из больницы?

– Да кто мог похитить пациентку? – удивилась медсестра. – Тут только один вариант – Аня сама сбежала из больницы. Не знаю, как ей это удалось – на входе ведь дежурит охранник, да и ночью по коридорам ходит санитарка. А главное, почему Аня сбежала? Вроде как она спокойно находилась на лечении, домой особо не рвалась, у нее же здесь брат лежит. С персоналом больницы она не ссорилась, вообще очень хорошая пациентка...

– Так значит, она не сбежала, – пожала я плечами. – Вчера в разговоре со мной она тоже не говорила, что ей что-то не нравится. А почему вы думаете, что ее не похитили?

– Женя, – Наталья Владимировна сочувственно посмотрела на меня, – у меня создается впечатление, что вы начитались детективных романов. Похищение, еще что? Зачем кому-то похищать девушку? Мы ведь не в детективном телесериале снимаемся, поймите! В реальной жизни всего этого нет, маньяки по улицам не бродят, Джек-потрошитель не караулит за углом свою жертву! Может, вы еще скажете мне, что Степан Сергеевич на самом деле переодетый убийца-похититель? Или, например, я одержимая навязчивыми мыслями медсестра, которая по ночам убивает больных. Смешно ведь, правда? Аню никто не похищал, и не думайте высказывать свои бредовые предположения другим больным! А то ведь поверят, начнется паника, и нам со Степаном Сергеевичем придется наводить порядок собственными силами! Нет в нашей жизни никаких изошренных убийств, гениальных Шерлоков Холмсов, – она кивнула на книжку Ани, – и прочей киношной белиберды! Все, забудьте о нашем разговоре. Ваша задача – поскорее выздороветь и выписаться. А с недоразумением с Аней мы сами разберемся!

Наталья Владимировна резко повернулась и вышла из палаты. Да, похоже, загадочное исчезновение моей соседки произвело на нее сильное впечатление – вроде всегда спокойная и доброжелательная, она сорвалась на мне. Представляю, какой разгром учинит Анина мать, если узнает, что ее дочь исчезла из больницы! Персоналу клиники мало не покажется. Если, конечно, Аня и правда не сбежала и не сидит сейчас дома.

Да, Наталья Владимировна, могу сказать, вы сильно ошиблись, когда говорили, что в реальной жизни нет убийств и ненормальных маньяков-психопатов. Ага, а я в больницу попала только потому, что решила проверить на себе, заряжен ли мой пистолет. Просто так пустила себе пулю в плечо – посмотреть, сколько крови вытечет. И специально ударилась головой об асфальт, чтобы проверить свои мозги на прочность. Уж я-то знаю, что в реальной жизни побольше убийств и преступлений, чем в романах Агаты Кристи и Артура Конан Дойля! Я могу привести кучу примеров и рассказать такие истории из своей практики, что у вас глаза на лоб полезут! Если Аня покинула больницу не по собственному желанию, мое предположение о ее похищении окажется верным и вы уже ничего не сможете мне возразить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.